
КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ – 25 ЛЕТ

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОКТРИНЫ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА (ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «XXV ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ
ПРАВА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»)¹

© 2019 г. Ю. Л. Шульженко*, Е. В. Виноградова**,
Н. В. Кроткова***, Г.С. Патюлин*

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

*E-mail: constitution@igpran.ru

**E-mail: evsfirf@gmail.com

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.03.2019 г.

Статья содержит анализ положений Конституции РФ 1993 г., реализованных за 25-летний период ее существования. Многие вопросы, исследование которых проводилось на высоком научном уровне, получили ответы, необходимые для осуществления правоприменительной практики. Высокий научный потенциал материалов Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества» является основой, базой для фундаментальной и прикладной юридической науки. Солидное представительство участвовавших в мероприятиях ученых, государственных деятелей, практикующих юристов подтверждает особую значимость результатов проведенной работы.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, государство, право, правовое государство, социальное государство, права человека, гражданское общество, органы государственной власти, Конституционный Суд РФ, Всероссийская научная конференция «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества».

DOI: 10.31857/S013207690004653-0

В рамках состоявшейся 10–11 декабря 2018 г. Всероссийской научной конференции, посвященной 25-летию Конституции РФ, было проведено заседание «круглого стола» на тему «Закон, мораль и правопорядок в конституционно-правовом пространстве современной России». Кроме того, работали научные секции «Юридические кадры новой генерации. Конституционно-правовые основы, опыт, проблемы подготовки» и «Конституционные гарантии законодательного обеспечения реализации национальных проектов Российской Федерации». В центре внимания участников названных мероприятий были вопросы истории российского

конституционализма и институционализации его доктрины, правосознания, морали и правопорядка в системе конституционных ценностей, конституционно-правовые аспекты цивилизационного развития государственности, отечественный и международный опыт функционирования механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина, а также гарантии законодательного обеспечения реализации национальных проектов и общественных инициатив. С докладами выступили известные ученые, представители органов государственной власти и практикующие юристы России и ряда зарубежных стран.

Работу «круглого стола» «Закон, мораль и правопорядок в конституционно-правовом пространстве современной России» модерировали акад. РАН А.Г. Лисицын-Светланов, член-корр. РАН А.В. Габов, д-р филос. наук, канд. юрид. наук А.Б. Дидикин. Участники обсудили современные подходы к пониманию

¹ О начале работы конференции см.: Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л. Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421–5

положений действующей Конституции России, развития правовой доктрины конституционализма и исторические этапы ее формирования.

Так, **д-р юрид. наук, проф. Ю.Л. Шульженко (Москва)** выступил с докладом, посвященным периодизации советского конституционализма. Он напомнил собравшимся, что история понятия «конституционализм» берет свое начало в США и связана в первую очередь с их Конституцией 1787 г. Изначально сущность и содержание конституционализма сводились главным образом к наличию конституции. Впоследствии конституционализм получил статус важнейшего показателя, необходимого условия демократизма общества, государства. При этом конституционализм целесообразно отнести к категории целей — к нему следует постоянно стремиться, вести соответствующую активную деятельность. Но при этом нужно понимать, что в полном объеме его никогда не достигнуть. Конституционализм многогранен. Во-первых, наличие реального практического конституционализма связано с реальным наличием конституции. Во-вторых, существование практического конституционализма предполагает реализацию, воплощение в жизнь всего того, что устанавливает основной закон. В-третьих, теоретический конституционализм — сумма знаний по данной проблематике.

Конституционализм имел место во все периоды российской государственности, но объем и форма его были различны. Так, до 1905 г., в период буржуазно-демократической республики на практике (в значительной мере условно) присутствовали лишь отдельные его элементы: Земские соборы XVI—XVIII вв.; органы самоуправления, созданные в ходе реформ второй половины XIX в.; расширение, практическая реализация ряда демократических прав, свобод граждан в марте 1917 г. (полная амнистия, отмена смертной казни, национальных, вероисповедальных ограничений). Реальный практический конституционализм наличествовал в периоды конституционной монархии, социализма, в наши дни в России. При всем этом теоретический конституционализм был практически всегда.

По мнению докладчика, анализ истории возникновения, развития конституционализма позволяет выделить основные его периоды: до 1905 г. — период конституционализма абсолютной монархии; 1905 г. — март 1917 г. — конституционализм периода конституционной монархии; март — октябрь 1917 г. — период конституционализма буржуазно-демократической республики; октябрь 1917 г. — конец 1991 г. — период советского конституционализма; конец 1991 г. — настоящее время — современный конституционализм.

В развитии советского конституционализма на основе социально-экономического, политического,

конституционного развития нашей страны при социализме также можно выделить определенные периоды. Первый период — период конституционализма государства диктатуры пролетариата (октябрь 1917 г. — 1936 г.). Второй — конституционализм периода реального социализма (1936—1977 гг.). Третий период — конституционализм развитого социализма, основа которого — Конституция СССР 1977 г. и принятые в соответствии с ней конституции союзных и автономных республик. Определенные шаги в направлении реального практического конституционализма сделаны в период перестройки (1985—1991 гг.). Последний названный период, подчеркнул Ю.Л. Шульженко, носил с точки зрения всего того, что касается конституционализма, поисковый, экспериментальный характер.

Доктор юрид. наук В.В. Лапаева (Москва) охарактеризовала развитие правового потенциала Конституции РФ как задачу юридической догматики. По ее мнению, высказываемая рядом юристов критика в адрес конституционных норм, закрепляющих и развивающих принцип приоритета прав человека, несет в себе более опасный заряд праворазрушающего нигилизма, чем рассуждения обновленного евразийства о социокультурной и геополитической специфике России как «западно-восточной страны-полукровки».

Основной объект этой критики — положение ст. 2 Конституции РФ, согласно которому «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а основной аргумент — тезис о том, что у человека есть «куда более значимые ценности надличностного уровня: вера, Родина, любовь, дружба, долг и прочее, и прочее». Рассуждения такого рода не учитывают, что по смыслу данной статьи Конституции права и свободы человека являются главной ценностью вовсе не для самого человека, который вполне может ставить нравственные или религиозные приоритеты выше правовых в тех случаях, когда это не ущемляет права и свободы других людей: права человека являются главной ценностью для государства. Более того, в правовом государстве права человека являются главной ценностью и для общества, которое не вправе умалять достоинство человека, даже если этот человек преступает нормы права или иные нормы, принятые в данном обществе.

Проблема современного конституционно-правового развития России вовсе не в том, что оно пошло по пути излишней либерализации общественной жизни. Напротив, Российское государство еще недостаточно продвинулось в этом направлении, в том числе и по причине не всегда корректной с точки зрения основополагающих принципов либерализма интерпретации в теории и на практике ряда статей, развивающих и уточняющих положение ст. 2 Конституции РФ.

Недостатки Конституции РФ, о которых иногда говорят, могут быть преодолены или существенно сглажены в рамках действующей конституционной модели. Это возможно в силу присущего ей правового характера, суть которого заключается в том, что новая конституционно-правовая идеология опирается на исторически апробированное положение о правах и свободах человека и гражданина как о самом важном и в конечном счете единственном истинном критерии наличия или отсутствия права и справедливости в общественной и государственной жизни. Но это требует умения надлежащим образом толковать букву и дух Конституции с опорой на положения человекоцентристской догмы права, а также желания (т.е. политической воли) воплощать итоги такого толкования в правотворческой и правоприменительной практике. Переосмысление толкования конституционных положений о критериях ограничения прав и свобод человека и гражданина с позиций и на основе человекоцентристской юридической догматики способствовало бы более полному раскрытию правового потенциала всех конституционных норм.

Доктор юрид. наук А.Х. Рустамзаде (Баку, Азербайджан) в своем докладе осветил современные конституционные реформы в области защиты прав и свобод человека в контексте Азербайджанской Республики. Он подчеркнул, что Азербайджан — постсоветская страна с многонациональным и многоконфессиональным населением, географически расположенная на границе Европы и Азии. Три этих параметра определяют сегодня политико-правовые реалии Азербайджана, направление развития и внутренние барьеры, которые каждый раз обнаруживаются (и еще не раз будут обнаруживаться в будущем), когда страна выбирает путь модернизации и европейской интеграции.

Конституция АзР 1995 г., опираясь на Конституционный акт о государственной независимости, определила Азербайджанскую Республику как демократическое, правовое, светское государство, обеспечивающее верховенство законов. Глава I Конституции объявила источником власти народ Азербайджана, который осуществляет это суверенное право путем всенародного голосования. Все это вписывается в идею демократического реформирования общества и государства. В Конституции АзР ценности демократии и почти все институты и установления демократии довольно обстоятельно перечислены и ясно определены. Тем самым этот документ в основном отвечает критериям демократического конституционного реформирования.

Законы независимого Азербайджана значительно отличаются от законов советского Азербайджана, причем в той или иной степени они нацелены на демократические реформы. В этих законах

учитываются гарантии прав человека, обращается внимание на подотчетность всех ветвей власти, социальную защиту граждан, создание правовой базы рыночной экономики, цивилизованное решение вышеупомянутого карабахского конфликта, соответствие европейским стандартам и многое другое. Руководство страны напрямую заинтересовано в реформировании нормативно-правовой базы, поскольку обеспечением защиты прав и свобод человека защищаются само государство и сам закон от произвола. Из этого можно сделать вывод о том, что деятельность правоохранительных и других структур осуществляется в интересах не только граждан или организаций, но и государства, и всего общества. Все вышеуказанные дополнения и изменения есть продолжение прогрессивных конституционно-правовых реформ и по своей сути направлены на вступление в новый этап правового реформирования.

Член-корреспондент РАН Е.А. Лукашева (Москва) напомнила участникам «круглого стола», что уважение к конституции — непреложный принцип демократического общества. Конституция России принималась в крайне сложной, непредвиденной ситуации радикального преобразования всей системы общественных отношений — политических, экономических, социальных, культурных, нравственных. В обществе не было общего согласия относительно перемен. Революции в других странах происходили в условиях, когда созревали новые экономические процессы, когда общество подготовлено к переменам. В России все надо было начинать с нуля. Аналогов подобной ситуации в истории не было. Поэтому Конституция РФ ориентировалась на стратегию будущего, учитывая настроения и надежды передовой части общества, стремления к радикальным переменам.

В стране, только что вышедшей из жесткого авторитарного режима, не может в одночасье сформироваться ни правовое, ни социальное государство с рыночной экономикой, ни независимая судебная система. Формирование правового социального государства, верховенства права, подлинного народовластия — задача чрезвычайно трудная, и ее решение возможно лишь в результате десятилетних усилий всего общества. К сожалению, возможности людей, их непосредственное участие в решении задач формирования нового общества постепенно сужаются. Бюрократия заняла прочное и устойчивое место в жизни страны, что затормозило решение задач, которые были провозглашены Основным Законом, и привело к утере интереса населения к решению общезначимых для государства и общества проблем, к правам человека как важнейшему элементу демократии.

К сожалению, нарушение положений Конституции государственными органами и должностными лицами — явление привычное. Нередко такие нарушения начинаются с законодательных актов, противоречащих Конституции. В течение одной сессии парламент принимает десятки законов; такого рода «интенсивность» законодателя неизбежно влечет за собой бесконечные внесения изменений в закон. Несовершенные «сырые» законы нередко ведут к нарушению прав граждан, что не способствует формированию их доверия к Основному Закону.

Форма изложения закона все больше усложняется, четкие определения заменяются пространными описаниями, которые размывают юридические понятия конкретного правонарушения, ведут к привлечению к ответственности невиновных лиц. Гражданину, не отягченному юридическим образованием, трудно воспринимать эту терминологию, сложность конструкций закона.

Нельзя не отметить случаи нарушения законов и иных нормативно-правовых актов в правоприменительной деятельности государственных органов, органов самоуправления. Речь идет не только о недостаточном знании законодательства, неумении ориентироваться в сложностях правовой системы. Главная причина — глубоко укоренившееся неуважение к человеку, его достоинству, правам и свободам, основанное на предшествующем советском опыте. Безразличие к судьбе человека, небрежное отношение к его проблемам, чиновничье высокомерие — это антикультурные явления, которые, к сожалению, присутствуют в нашей жизни. Системостратегический подход «человек для государства» до сих пор не преодолен. Необходимо длительное время, чтобы такой подход реально сменился на иную парадигму — «государство для человека», как это провозглашено в Конституции России.

Доктор юрид. наук, проф. С.В. Черниченко (Москва) остановился на вопросе о соотношении международного и российского права по Конституции РФ. В соответствии со ст. 15 (ч. 4) Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права составляют часть российской правовой системы. Необходимо среди общепризнанных принципов выделить те, которые имеют императивный характер (*jus cogens*). Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров недопустимо заключение международных договоров, противоречащих этим принципам (нормам), поскольку такие договоры должны быть признаны ничтожными. Россия как продолжатель СССР — участница Венской конвенции. При этом необходимо отметить, что Россия является не правопреемником, а именно продолжателем СССР как субъекта международного права.

Представляется целесообразным исходить из того, что Конституция РФ соответствует императивным принципам международного права. Эти принципы, становясь частью российской правовой системы, *mutatis mutandis* меняют своих адресатов, превращаясь в конституционные, но сохраняя при этом свой международно-правовой характер в международных отношениях.

Поскольку к общепризнанным принципам согласно Конституции РФ относится и принцип выполнения Россией своих международных обязательств, не исключено, что между нормами того или иного международного договора, обязывающего Россию, и определенными нормами Конституции возникнут расхождения. При этом Конституция не различает уровень международного договора, обязывающего Россию. В любом случае Российская Федерация должна выполнить нормы договора. При этом речь не идет о приоритете международного права над российской правовой системой. Речь идет об обязанности России выполнять свои международные обязательства. В ст. 27 Венской конвенции закреплено положение, в соответствии с которым участник Конвенции не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения договора.

По существу, надо полагать, что в подобных случаях можно говорить о возможности некоторых расхождений между необходимостью для России выполнять свои международно-правовые обязательства (что в силу ст. 15 Конституции РФ является конституционным принципом) и какими-то другими положениями Конституции. Представляется, что выход из такого положения следует искать в признании презумпции, что договоры Российской Федерации не противоречат ее Конституции.

Кандидат юрид. наук С.И. Красов (Самара) в своем выступлении продолжил тему соотношения международного и национального права, уделив внимание дискуссии о соотношении ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и изменений в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Современный этап международных отношений характеризуется острым столкновением межгосударственных интересов. Международное право продолжает оставаться единственной основой мирных отношений между странами. В ст. 38 Статута Международного Суда ООН названы источники международного права, на основании которых Суд рассматривает споры между государствами. Это международные договоры, международные обычаи; решения международных организаций, решения международных судебных органов, общие принципы права и научная доктрина. При этом процедура голосования в международных организациях

нередко превращается в способ межгосударственной борьбы — политической и экономической. Для этих же целей часто используются решения международных судов.

В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закреплено положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы. В 1998 г. Российская Федерация стала участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Граждане России получили право на обращение в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), а Россия признала для себя обязательную силу его решений.

Однако в последнее время неудобные, иногда политизированные и противоречивые постановления ЕСПЧ вызывают его критику, раздаются предложения отказаться от участия в его деятельности. Такие дискуссии приводят к попыткам отрицания значения международного права для правовой системы Российской Федерации. Конституционный Суд РФ может признать не соответствующими Конституции РФ решения международных организаций, решения (постановления) международных судебных органов. При этом международные договоры, признанные Российской Федерацией (ратифицированные или прошедшие через процедуру утверждения), в перечень актов, которые Конституционный Суд РФ может признать не соответствующими Конституции, не входят (как и международные обычаи).

Но за нашей страной сохраняется право приостановить действие международного договора или денонсировать его. Это право закреплено за государством в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 г. и Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. Таким образом, содержание ч. 4 ст. 15 Конституции РФ остается неизменным, меняется только понимание, а значит, и применение международного права.

Кандидат юрид. наук, проф. С.И. Некрасов (Москва) выступил с докладом на тему «*Пространство и право (трансформации корреляционных связей и содержания)*». Он отметил, что в юридической и политологической литературе территория продолжает пониматься прежде всего как пространственный предел государства или государственного (публично-правового) образования, пространственный предел государственного суверенитета, действия правовых предписаний того или иного уровня властвования. Именно в этом, а не в фактической рыночной стоимости земельных участков, участков недр, лесного и водного фондов, ресурсов континентального шельфа или исключительной

экономической зоны и продолжает состоять конституционно-правовая ценность государственной территории.

При этом государственный суверенитет и территориальная целостность перестали быть непреложными ценностями. С одной стороны, суверенитет уже вышел за пределы национальных границ, национальные интересы далеко не всегда ограничены государственными границами, с другой — все больше примеров открытого попрания суверенитета отдельных государств (Афганистан, Ирак, Югославия, Сербия, Ливия, Сирия и др.) со стороны других государств, причем не всегда под эгидой мирового сообщества. В свете сказанного еще раз обратим внимание на проявившуюся неоднозначную тенденцию. Признавая себя неотъемлемой частью мирового сообщества (и, как следствие, признавая международно-правовые нормы неотъемлемой частью национальных правовых систем), все большее количество государств недвусмысленно подчеркивают (посредством формулирования правовых позиций национальными органами конституционной или общей юстиции) безусловное верховенство своих основных законов в национальных правовых порядках, в том числе и по отношению к международным нормам (Германия, Италия, Великобритания, Чехия и др.). Подобной же позиции с недавнего времени придерживается и Российская Федерация.

В центре внимания **канд. юрид. наук А.А. Петрова (Красноярск)** были проблемы внутренней согласованности действующей Конституции РФ, спорные вопросы преодоления коллизий в праве. Он отметил, что согласованность есть важное качество любой нормативной системы, под которой можно понимать и совокупность норм, заключенных в одном нормативном правовом акте. При этом возможны две интерпретации согласованности: сильная и слабая. Различие между ними таково: при сильной согласованности выполнение любой нормы в рамках нормативной системы не приводит к нарушению какой-либо другой нормы этой системы, т.е. ни одна из норм не вступает в отношения антиномии с какими-либо другими нормами. Слабая согласованность подразумевает один из двух вариантов: (1) существуют какие-либо обстоятельства, в которых нормы могут применяться без конфликтов, например путем взаимного согласования смысла различных правовых установлений в процессе толкования права; (2) даже в случае наличия коллизии норм внутри нормативной системы существует некоторый набор коллизионных норм (принципов, критериев, максим независимо от точки зрения на их природу), используя который можно однозначно определить применимую норму в случае их антиномии.

Интерес к исследованию внутренней согласованности конституции обуславливается прежде всего

ее особым учредительным характером и высшей юридической силой в рамках конкретного правопорядка. В этой связи исследование свойств конституции как юридического документа и его места в системе законодательства не может проходить без внимания к головоломке самореференции (в упрощенном виде ее можно описать как вопрос о собственном правовом основании вменения в обязанность соблюдения исторически первой конституции в рамках заданного правопорядка как континуитета нормативных систем, которая неизбежно не является основанной на позитивном праве).

Если рассмотреть под таким углом зрения конституционные нормы, то их следует *de lege lata* рассматривать (в терминологии Г. фон Вригта и Е.В. Булыгина) как суверенные, т.е. не противоречащие вышестоящим нормам, но и не базирующиеся на них. Целесообразно обратиться к идее о том, что при рассмотрении конституции в рамках заданного правопорядка как аксиоматической системы одним из конституирующих ее свойств является внутренняя согласованность, без которой невозможно дальнейшее развитие конкретно-исторического правопорядка. Представляется, что слабой внутренней согласованности будет для этого достаточно хотя бы в силу предельной абстрактности и «каучуковости» весьма значительного числа конституционных положений, установление смысла которых зачастую возможно только в рамках метаправовых рассуждений и контекстуально.

Модераторами **научной секции «Юридические кадры новой генерации. Конституционно-правовые основы, опыт, проблемы подготовки»** выступили *декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета С.А. Белов; советник Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ В.Н. Плигин и д-р юрид. наук Т.А. Полякова*. Открыв заседание секции, **В.Н. Плигин** отметил заинтересованность государства в необходимости профессиональной подготовки специалистов-юристов не только с хорошим знанием нормативного материала, но и высокой квалификации с точки зрения общетеоретических и гуманитарных знаний.

Государственным социальным стандартам в сфере труда было посвящено выступление **д-ра юрид. наук, проф. Г.С. Скачковой (Москва)**, указавшей на Модельный закон СНГ «О государственных социальных стандартах», закрепляющий систему государственных социальных стандартов Содружества Независимых Государств. Под такими стандартами понимаются устанавливаемые государством нормы и нормативы, обеспечивающие реализацию гарантированных конституцией социальных прав граждан и порядок предоставления этих прав. В ст. 24 названного Закона содержится рекомендация

принимать его положения в качестве основы для разработки и принятия законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам установления и применения государственных социальных стандартов. Из числа стран СНГ, принимавших участие в принятии этого Закона (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан), соответствующие национальные законы о государственных социальных стандартах действуют во всех государствах, кроме Российской Федерации.

Была выражена уверенность в том, что на сегодняшний день в России необходимо соблюдение не только минимальных социальных стандартов, но и стандартов достойного труда, разработанных Международной Организацией Труда и используемых в европейских странах. Так, в Конвенции МОТ № 131 об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран (1970 г.) сказано, что «при определении уровня минимальной заработной платы следует не только учитывать потребности трудящихся и их семей, но и принимать во внимание общий уровень заработной платы в стране, стоимость жизни, социальные пособия и сравнительный уровень жизни других социальных групп». Однако данная Конвенция не ратифицирована Россией. Европейская социальная хартия (пересмотренная в 1996 г.) предусматривает право работников на такое вознаграждение, которое обеспечит им и их семьям достойный уровень жизни. К сожалению, и это положение Россией не ратифицировано.

Российский МРОТ должен отвечать своей главной задаче — быть одним из основных социальных стандартов, регулирующих уровень заработной платы и тем самым непосредственно влияющих на уровень доходов населения в стране. Пока МРОТ, к сожалению, выполняет лишь чисто технические функции: на его основе рассчитываются зарплата, социальные пособия, различные платежи. В целях реализации в России задач, стоящих перед социальным государством, необходимо с учетом Модельного закона СНГ принять федеральный закон «О государственных социальных стандартах», а затем и иные нормативные правовые акты, обеспечивающие его реализацию.

Доктор филос. наук, проф. А.М. Экмалян (Москва) поднял вопросы теории и практики социального и правового государства и реализации их основных принципов применительно к юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Банкротство кредитной организации наносит всем ее клиентам большой ущерб. При этом подчеркнул, что если физическим лицам закон гарантирует возврат их вкладов, то юридическим лицам закон дает только право предъявлять свои

претензии конкурсному управляющему и, встав в очередь по удовлетворению требований кредиторов, попытаться получить свои деньги.

Однако реализация этого права требует решения ряда сложных задач, много времени, исчисляемого порой месяцами, которого у кредиторов может и не быть, что существенно затрудняет защиту их законных прав и интересов. Подобное отношение государства к предпринимателям — клиентам обанкротившейся кредитной организации говорит о том, что оно не осознает свою причастность к возникающей у предпринимателей ситуации. Хотя за банкротство кредитной организации в первую очередь отвечает ее руководство, Банк России, осуществляющий по поручению государства регулирование, контроль и надзор за кредитными организациями, также несет определенную ответственность за их банкротство, поскольку его специалисты не сумели вовремя выявить и пресечь действия кредитной организации, которые привели ее к банкротству.

Кандидат юрид. наук И.Л. Данилевская (Москва) сосредоточила внимание на потенциале региональной юстиции в системе разделения властей. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации функционирует уже более 20 лет, однако конституционные (уставные) суды до сих пор не получили надлежащей общественной поддержки и не стали востребованными, в отличие от Конституционного Суда РФ, ставшего неотъемлемым элементом российской государственности. Потенциал конституционных (уставных) судов субъектов в системе разделения властей не реализуется в полной мере, поскольку и в теоретическом, и в практическом плане в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов остаются нерешенные проблемы, которые влияют на дальнейшее развитие конституционного (уставного) правосудия.

Если в первые годы после принятия Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации» среди причин, затрудняющих формирование конституционных (уставных) судов, называли, к примеру, такие, как новизна института, неясность его «встроенности» в региональную систему власти и ожиданий от его деятельности, то сегодня среди таких причин остаются политические и правовые. Политические причины заключаются в нежелании региональных властей иметь дополнительный контрольный орган, деятельность которого, безусловно, будет влиять на сложившийся в регионе баланс взаимодействия ветвей государственной власти, а правовыми можно считать неясность правового статуса конституционных (уставных) судов, которые, с одной стороны, входят в судебную систему Российской Федерации, а с другой — могут учреждаться субъектами по своему усмотрению. Диспозитивный характер нормы

о создании конституционного (уставного) суда является, безусловно, проблемным вопросом и основным фактором, влияющим на отсутствие динамики в создании конституционных (уставных) судов.

Орган конституционного правосудия — одно из достижений конституционализма. Без осуществления профессионального судебного контроля за правотворческой деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления не может полноценно функционировать демократическое правовое государство, основанное на принципе разделения властей. Представляется, что на государственном уровне должен быть придан новый импульс делу создания конституционных (уставных) судов в субъектах Федерации, учитывая, что значительный потенциал региональной юстиции в системе разделения властей до настоящего времени остается нереализованным.

Доктор юрид. наук Н.В. Летова (Москва) в своем выступлении уделила внимание конституционным основам семейного права. Она отметила, что традиционное представление о семье, семейных ценностях в России не позволяет говорить об эффективном регулировании семейных отношений без их учета в качестве фундаментальной основы в области семейных отношений, заложенной Конституцией РФ. Сторонники традиционных семейных ценностей признают в качестве единственно допустимой формы семьи «нуклеарную», которая состоит из родителей (родителя) и детей либо только из супругов. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 38 Конституции РФ забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Семья в современных условиях уже не может рассматриваться только как объединение лиц, ведущих совместное хозяйство. В семье ребенок должен получить любовь, заботу, защиту его прав и интересов со стороны родителей. В этом смысле у семьи есть обязанности по отношению к ребенку, поэтому семья рассматривается как самостоятельный субъект семейных правоотношений, наделенный определенными правомочиями по отношению к ребенку, необходимыми для реализации его права на воспитание.

Реализация конституционного принципа об обеспечении всемерной, гарантированной государством защиты семьи, основанной на браке, находит свое воплощение в нормах Семейного кодекса РФ. Присутствие конституционных основ в сфере семейных отношений, с одной стороны, позволяет гражданам свободно распоряжаться своими семейными правами, которые направлены на удовлетворение их частных интересов, а с другой — в случае несоблюдения прав и интересов членов семьи, злоупотребления правом или использования семейных прав в противоречие с их назначением государство

в лице специальных органов должно отреагировать на подобного рода нарушения.

Охрана семьи, прав и интересов ее членов должна рассматриваться как перспективный аспект деятельности государства, учитывая и принимая во внимание особую ценность семейных отношений, без которых существование именно личных отношений представляется маловероятным.

Доктор юрид. наук, проф. Е.В. Виноградова (Москва) обратилась к вопросам конституционных гарантий на квалифицированную юридическую помощь. Данное понятие в отечественном законодательстве появилось впервые в 1992 г., когда в Основном Законе включаются положения Декларации прав и свобод человека и гражданина о том, что каждому гарантируется право на пользование квалифицированной юридической помощью. Действующей Конституцией каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, более того, в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Являясь конституционным, это право признается, обеспечивается и защищается государством.

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений отмечал, что право на квалифицированную юридическую помощь обуславливает иные права, в частности право на судебную защиту, на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом, на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон, и находится во взаимосвязи с ними. В одном из своих решений Конституционный Суд РФ указал, что, гарантируя право на получение квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии. Гарантированность права на получение квалифицированной юридической помощи означает конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи. Вопросы уровня квалификации лиц, оказывающих эту помощь, и качества самой помощи должны быть в сфере государственного контроля, что предполагает необходимость создания единой системы профессиональных стандартов — требований к качеству подготовки специалистов, которые вправе ее оказывать.

Доктор юрид. наук, проф. В.И. Селиверстов (Москва) в своем выступлении осветил трансформацию концептуальных основ уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. В последнее десятилетие уголовно-исполнительная политика

осуществлялась в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее — Концепция), утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г., предусматривавшей в качестве стратегической линии уголовно-исполнительной политики поэтапный переход содержания осужденных в тюрьмах, отвечающих по условиям содержания осужденных международным европейским стандартам. Попытки реализации Концепции в части перехода на тюремное содержание осужденных принесли большее число неудач, чем успехов. О необходимости внесения существенных корректив в Концепцию, устранения системных недостатков неоднократно писали ученые, правозащитники и практики. Поэтому можно с удовлетворением отметить, что Распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-Р в Концепцию был внесен ряд принципиальных изменений и дополнений. В частности, был исключен как не обеспеченный материальными ресурсами переход на содержание осужденных в тюрьмах.

Осталось два с половиной года действия данной Концепции, а значит, наступает время разработки нового концептуального документа, который определял бы уголовно-исполнительную политику на следующее десятилетие, а именно — до 2030 года. Новый концептуальный документ должен быть свободным от тех недостатков, которые были присущи действующей Концепции. Причем недостатки касались как процедуры принятия данного документа, так и его содержания. Что же конкретно следует учесть при ее подготовке? Прежде всего необходимо добиваться более широкого понимания социально-правового назначения нового концептуального документа. Он должен разрабатываться с участием правоохранительных ведомств, но он не должен носить ведомственный и даже межведомственный характер. Следует учитывать, что ориентация на уголовно-исполнительную систему Министерства юстиции РФ не позволяет охватить весь спектр вопросов, которые целесообразно отразить в будущей концепции. Например, в уголовно-исполнительную систему Минюста России не входят учреждения и органы, исполняющие наказания в виде штрафа (судебные приставы-исполнители), а также дисциплинарные воинские части, гауптвахты, командиры иных воинских частей, исполняющие наказания в отношении осужденных военнослужащих. Подчеркнуто, что гарантией качества и реализма будущего концептуального документа должна выступить научная обоснованность предлагаемых решений.

В работе секции «Конституционные гарантии законодательного обеспечения реализации национальных проектов Российской Федерации» приняли участие не только ученые-юристы, но и судьи Суда Евразийского экономического союза. Модерировали

секцию *акад. РАН В.И. Жуков и д-р юрид. наук, проф. В.Н. Старцун*.

Председатель Государственного собрания Республики Саха (Якутия) П.В. Гоголев (Якутск) в своем выступлении на примере Республики Саха (Якутия) отметил важность кодификации отдельных сфер общественных отношений в региональном законодательстве. **Доктор юрид. наук, проф. В.Н. Старцун (Москва)** обратил внимание участников секции на значение национальных проектов для успешного и устойчивого развития Российского государства и на ряд вопросов, возникающих в ходе их реализации.

Неподдельный интерес участников секции вызвало выступление **Председателя Суда ЕврАзЭС, канд. юрид. наук, проф. Ж.Н. Байшева (Астана, Казахстан)**, проанализировавшего историю формирования Суда ЕврАзЭС и назначения его судей, а также порядок работы Суда, осуществляющего нормоконтроль в рамках ЕврАзЭС. Так, например, **д-р юрид. наук, проф. С.В. Запольский (Москва)** поинтересовался процессуальной базой деятельности Суда, а также количеством отказов рассмотрения дел и основаниями таких отказов. **Судья Суда ЕврАзЭС от Российской Федерации К.Л. Чайка (Москва)** разъяснил собравшимся порядок применения Статута Суда ЕврАзЭС. Он также уделил внимание работе Евразийской экономической комиссии, правам ЕврАзЭС, субъектам обращения в Суд. Особо было отмечено, что Суд вправе сам определять свою компетенцию. Речь помимо прочего зашла о соотношении национального и наднационального права, принципов конституционализма и международного права.

Член-корреспондент РАН А.Н. Савенков (Москва) в своем выступлении представил анализ практики взаимодействия государств с Евразийской экономической комиссией и Высшим Евразийским экономическим советом. Он также обратил внимание участников секции на то, что полный отказ от наднациональных и международных объединений в пользу национального патриотизма опасен, подтверждением чему служит история Европы середины прошлого века.

Доктор мед. наук, проф. И.В. Тимофеев (Санкт-Петербург) в докладе «**Историко-правовой анализ формирования права на доступную и качественную медицинскую помощь в рамках конституционно-правового и иного отраслевого регулирования**» отметил, что в России впервые термин «медицинская помощь» в контексте конституционных прав человека был закреплён в тексте Конституции СССР 1936 г., а такая ее характеристика, как доступность (ДМП), впервые была отражена лишь через 57 лет в Основных законах РФ об охране здоровья граждан. Она была оформлена в виде

одного из основных принципов охраны здоровья — доступности медико-социальной помощи. Но данный Закон был принят в декабре 1993 г. — за полгода до принятия Конституции РФ.

Со вступлением в силу действующей Конституции граждане Российской Федерации получили право на охрану здоровья и медицинскую помощь, и эта формула уже дает основания для постановки вопроса о развитии конституционно-правового и медико-социального содержания указанного права, в том числе в контексте ДМП. Тем не менее в законодательстве и нормативных актах, принятых в развитие положений Конституции, в настоящее время само понятие «доступность медицинской помощи» не раскрывается.

Результатом определенной эволюции общественных отношений в области здравоохранения и подходов законодателя по правовому регулированию указанных отношений стало закрепление в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отдельного и единого (объединенного) принципа доступности и качества медицинской помощи, а также принципа недопустимости отказа в медицинской помощи. На основе применения данных принципов в нормативно-правовой базе отечественного здравоохранения и медицинского страхования идет активный процесс формирования соответствующих правовых и организационных институтов.

Соединение по смыслу двух принципов (доступности медицинской помощи и качества медицинской помощи) в один свидетельствует о понимании законодателем их неразрывной связи при оказании медицинской помощи и определяет основу для более эффективной реализации конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Это обусловлено пониманием невозможности полноценной реализации данного конституционного права, если медицинская помощь будет недоступна и (или) некачественна. Конституционно значимый принцип «доступность и качество медицинской помощи» выступает правовым средством, обеспечивающим оценку конституционности отраслевого регулирования и конституционно-правовое истолкование текущего законодательства. По мнению И.В. Тимофеева, понимание данного принципа в качестве конституционно значимого, а также воплощение этого подхода в практике Конституционного Суда РФ позволило бы повысить уровень правовой защиты конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Принцип «доступность и качество медицинской помощи» имеет не универсальный характер, и его нарушение обесценивает сущность конституционного

права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Кандидат юрид. наук В.В. Вышкварцев (Краснознаменск) остановился на вопросе правового социального государства, в частности институте гражданского общества. Говоря о периодизации в новейшей истории конституционного закрепления концепции гражданского общества, он предложил выделить пять основных периодов. Первый период (август – ноябрь 1990 г.); второй (ноябрь 1990 г. – сентябрь 1991 г.); третий (сентябрь 1991 г. – апрель 1992 г.); четвертый (апрель – ноябрь 1992 г.); пятый период (ноябрь 1992 г. – июль 1993 г.). Концепция гражданского общества, которая стремилась занять место одного из главных смысловых, политических и нравственных звеньев проекта Конституции России, разработанного Конституционной Комиссией, заключалась в создании социальных и политических условий для человека и гражданина в целях обеспечения его экономических, культурных и духовных свойств. Последовательность разделов проекта Конституции, из которых видна предваряющая роль прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, говорит также о праве на гражданское общество, т.е. обладании, использовании и распоряжении теми материальными и нематериальными ценностями, которые в совокупности составляют одну из граней человеческой жизнедеятельности, а в широком понимании – свободу, как личную, так и коллективную.

Доктор юрид. наук, проф. С.С. Занковский (Москва) остановился на вопросах государственного регулирования экономики, особое внимание уделив развитию конституционных положений в предпринимательском праве России.

Юрист Е.А. Ковалева (Армавир) предложила участникам секции обсудить эффективность социальной защиты инвалидов в правовом пространстве. Она отметила, что в истории России продолжают становление и развитие демократических преобразований на фоне социальной государственности. Конституционный аспект права дает стремительный импульс развитию инновационных подходов к адаптации новой социальной функции государства.

Постсоветская система уравнивает общественный договор и закон в разнонаправленных устремлениях общества и государства, перенося конституционные обязательства в социальное пространство доступного перераспределения общественно значимых материальных благ, отождествляя экономические направления деятельности органов с политической деятельностью государства, приобретающей новые функциональные характеристики. Привлекая социальные контракты, основа современного общественного договора в системе

внутригосударственных, международных правоотношений составляет перераспределение благ.

Эксперт АНО «Институт свободы совести» Д.М. Никитаев обратил внимание на особое значение конституционного принципа светскости государства в цивилизационном развитии России, прошедшей долгий и противоречивый путь в своем развитии. Российское государство всегда было многонациональным, в нем толерантность была необходимостью. С целью недопущения конфликтов на почве мировоззренческих различий возникла потребность в нормативном закреплении принципа светскости государства в современном законодательстве. Конституция РФ устанавливает, что Российская Федерация является светским государством. Никакая религия не может устанавливаться как государственная или обязательная. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Следует отметить, что светскость государства есть гарантия реализации права на свободу совести. Главный признак светского государства – его мировоззренческий нейтралитет, законодательная и фактическая отделенность от религии и соблюдение прав человека вне зависимости от его вероисповедания. Принцип светскости государства занимает особое место в деятельности государственных и муниципальных органов власти, армии и правоохранительных органов, пенитенциарной системы, науки и образования в государстве. Клерикализация данных сфер может привести к дискриминации, конфликтам, нарушению прав человека и распаду федеративного государства. Подчеркнуто, что от реализации конституционного принципа светскости государства зависит реализация права на свободу совести, остальных прав.

Доктор юрид. наук, проф. А.М. Воронов (Москва) в своем докладе отметил, что Конституция РФ за 25 лет своего существования сумела вывести страну сквозь весьма тернистый путь перестройки на путь стабильного развития, однако ориентация Конституции «на будущее» требует новых планов модернизации российской государственности. Необходимо коренным образом модернизировать доктрину российского права, в том числе и административного права, именно с учетом реалий сегодняшнего дня.

Современное развитие науки административного права базируется на идее о том, что государство и общество не только взаимодействуют, но и обслуживают друг друга (служат друг другу). Поэтому совершенствование административного права идет путем придания ему все более четких организационно-правовых форм и развития и совершенствования административных процедур. Представляется целесообразным в развитие предмета административного права современной России структурирование правового института «государственное

администрирование» как одного из новых, перспективных направлений административно-правовой науки.

Доктор юрид. наук И.В. Минникес (Иркутск) проанализировала конституционные (уставные) законы субъектов Российской Федерации о конституционном контроле и указала на то, что отношение российского законодателя к институту конституционного контроля на протяжении столетия неоднократно менялось. В советском государстве конституционный контроль практически не был востребован. Только в конце 80-х годов законодательно оформлено создание Комитета конституционного надзора СССР. Конституционное правосудие в нашей стране в настоящее время — важнейший механизм обеспечения правопорядка, законности. При этом с формальных позиций законодательство о конституционном (уставном) суде субъектов Федерации разнородно и по подходам к видам законов, и по оценке места закона о конституционном (уставном) суде в ряду законов субъекта Федерации. Многообразие правового регулирования вопроса о конституционном контроле субъектов Российской Федерации, с одной стороны, объясняется отсутствием однозначных правовых предписаний о характере актов о конституционном (уставном) правосудии субъектов на уровне федеральных законов, что можно оценить положительно как предоставление субъектам Федерации максимально выразить особенности своей правовой практики. Другая причина, как представляется, кроется в формальных характеристиках федерального законодательства.

В российской практике федеральный законодатель назвал конституционными те законы, которые не изменяют Конституцию, но приняты по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Многозначность понятия конституционного закона решена на федеральном уровне, однако проблема правового регулирования статуса органов конституционного (уставного) правосудия в субъектах Федерации состоит в том, что они, в отличие от федерального законодательства, объединяют под именем конституционных (уставных) законов два разнородных правовых явления — законы о внесении изменений в текст основного акта субъекта Федерации и законы, принятые по вопросам, предусмотренным конституцией (уставом), но не имплементированным в их тексты. Представляется, что, во-первых, закон о конституционном (уставном) суде следует выделять из числа текущих законов на любом уровне, исходя из значимости вопроса о соблюдении конституции (устава) субъекта Российской Федерации; во-вторых, необходимо, как минимум, привести систему законодательства субъектов

Федерации в согласие с той градацией законов, которая предложена законодателем на федеральном уровне.

Доктор юрид. наук, проф. Б.Я. Гаврилов (Москва) затронул вопросы современной уголовно-правовой политики и особой роли прокуратуры в ее разработке и реализации. Его поддержал **проректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д-р юрид. наук Р.В. Жубрин (Москва)**.

Доктор юрид. наук, проф. С.В. Запольский (Москва) свое выступление посвятил анализу полномочий Правительства РФ.

Академик РАН В.И. Жуков (Москва) подвел итоги работы секции, завершившей череду научных мероприятий, проведенных Институтом государства и права РАН в тесном сотрудничестве с другими академическими институтами и ведущими юридическими вузами страны. Он отметил, что Институт государства и права будет продолжать работать в тесном сотрудничестве с органами государственной власти Российской Федерации и исследовать проблемы реализации национальных проектов. Государственные потребности необходимо объединить с научными возможностями социологов, юристов, медиков, математиков, демографов. Требуется вдумчивая работа по законодательному обеспечению жизни общества по направлениям, получившим название национальных проектов.

Участники конференции были единодушны в вопросе признания юридической и социальной ценности Конституции РФ. Рассмотрение большого количества вопросов позволило создать базу для дальнейшего успешного исследования многих аспектов, формирующих доктрину конституционализма. Сквозь призму 25-летнего опыта конституционно-правового развития Российской Федерации можно четко увидеть, что Конституция РФ далеко не исчерпала свой потенциал. Она живая и определенно не только отвечает требованиям дня сегодняшнего, но и создает условия для будущего устойчивого и эффективного развития Российского государства. При этом не вызывает сомнения тот факт, что ее дальнейшее применение и эволюция во многом должны опираться на научные исследования, доктрину, репрезентативный эмпирический материал. Все это свидетельствует о высокой степени научной и практической значимости проведенной конференции, подтвердившей заинтересованность юридического сообщества в изучении непростого вопроса развития отечественного конституционализма и готовность к участию в решении задач в области конституционно-правового развития, стоящих перед Российским государством.

**THE INSTITUTIONALIZATION OF THE DOCTRINE
OF CONSTITUTIONALISM (FOLLOWING TO THE RESULTS
OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
“XXV ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN
FEDERATION: TRANSFORMATION OF THE PARADIGM OF RIGHTS
IN THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF MANKIND”)**

© 2019 Yu. L. Shulzhenko*, E. V. Vinogradova**,
N. V. Krotkova***, G. S. Patyulin*

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: constitution@igpran.ru

**E-mail: evsrf@gmail.com

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 13.03.2019

The article contains an analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation of 1993, implemented over a 25-year period of its existence. Many questions, the study of which was conducted at a high scientific level, received the answers necessary for the implementation of law enforcement practice. The high scientific potential of the materials of the All-Russian scientific conference “XXV years of the Constitution of the Russian Federation: the transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind” is the basis for fundamental and applied legal science. A solid representation of scientists, public figures, practicing lawyers participating in the events confirms the special significance of the results of the work.

Key words: Constitution, constitutionalism, state, law, rule of law state, social state, human rights, civil society, public authorities, the Constitutional Court of the Russian Federation, All-Russian scientific conference “XXV years of the Constitution of the Russian Federation: the transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind”.

Сведения об авторе

ШУЛЬЖЕНКО Юрий Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, Москва

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, Москва

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, Москва

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич — младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, Москва

Authors' information

SHULZHENKO Yuri L. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher, acting head of the sector of Constitutional Law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

VINOGRADOVA Elena V. — Doctor of Law, Professor, chief researcher of the sector of Constitutional Law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

KROTKOVA Natalya V. — PhD in Law, leading researcher of the sector of Constitutional Law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

PATYULIN Georgy S. — junior researcher of the sector of Constitutional Law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow